НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 94(470.6):396.21.192/193
DOI 10.46698/VNC.2023.88.70.001

Н.А. Шаожева

Женщины Кабардино-Балкарии в структурах власти: история и современность

Наталья Анатольевна Шаожева
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Центр социально-политических исследований, ведущий научный сотрудник, доктор политических наук, Российская Федерация, Нальчик, disana05@mail.ru

***Аннотация**. В статье на основе исторического подхода представлен анализ количественных данных, касающихся женского представительства в органах государственной власти различного уровня и местного самоуправления в Кабардино-Балкарии. Показано, что политика продвижения женщин во власти носит в большей степени декларативный характер.*
***Ключевые слова:** гендерное представительство, Кабардино-Балкария, органы власти, советская модернизация, современное общество*
***Для цитирования:** Шаожева Н.А. Женщины Кабардино-Балкарии в структурах власти: история и современность // «Вестник Владикавказского научного центра РАН». 2023. № 3. С. 27–35. DOI 10.46698/VNC.2023.88.70.001*

Women of Kabardino-Balkaria in power structures: history and modernity

Natalia A. Shaozheva
Center for Socio-Political Studies, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Dr., Leading Researcher, Russian Federation, Nalchik, disana05@mail.ru

***Abstract.** Based on the historical approach, the article presents an analysis of quantitative data concerning women's representation in public authorities of various levels and local self-government in Kabardino-Balkaria. It is shown that the Soviet policy of promoting women in power is more declarative in nature.*
***Keywords:** gender representation, Kabardino-Balkaria, authorities, Soviet modernization, modern society*
***For citation:** Shaozheva N.A. Women of Kabardino-Balkaria in power structures: history and modernity // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2023. Vol. 23. № 3. P. 27–35. DOI 10.46698/VNC.2023.88.70.001*

Проблема роли женщины в социально-политических процессах российского общества является не новой и достаточно дискуссионной. Одна позиция заключается в том, что женщины имеют меньше шансов по сравнению с мужчинами занимать высокое социальное положение в бизнесе, во власти, поскольку располагают меньшими ресурсами. Другая позиция строится на полном гендерном равенстве прав и свобод, где у женщин столько же возможностей для реализации профессиональных, личностных и властных качеств.

Действительно, в условиях советской модернизации было продекларировано равенство между мужчинами и женщинами. Так называемый «женский вопрос» считался решенным, поскольку трансформация традиционных гендерных систем и гендерных отношений высвободила потенциал женской социально-политической активности, в силу чего Советская власть, закрепив равное положение мужчин и женщин в обществе в Конституциях РСФСР, СССР создала условия, позволившие женщинам включиться в управление всем комплексом хозяйственных мероприятий и государства в целом.

Но, несмотря на провозглашенное гендерное равенство в России, механизмы, применяемые советским руководством, не нашли своего реального подтверждения во власти в постсоветском пространстве. В условиях социальной турбулентности, демократизации общественной жизни, новая система выборов, новые избирательные технологии и социально-экономические проблемы переходного периода привели к существенной диспропорции между женским и мужским представительством во властных структурах всех уровней. И ситуация не изменилась до сих пор. Например, сегодня в России из 21 министра только одна женщина – Ольга Любимова (министр культуры). Общая численность женщин в Правительстве России, включая заместителей Председателя Правительства – 3 (9 %) из 34 человек. В Государственной Думе из 450 депутатов 72 женщины (16 %).

Уникальность северокавказского региона заключается в том, что обычное право горских народов, подчеркивая и уважая высокую роль женщины как личности (у разных народов, безусловно, разная степень), практически лишало ее социального институирования. Социально-политическая роль

женщин определялась сугубо гендерными структурами, соответственно реализовать свой потенциал они могли практически только в рамках опосредованных гендерных взаимодействий, двойственность которых заключалась в особой роли гендера в обеспечении механизмов регуляции социума на Северном Кавказе.

В период советской модернизации женское движение в Кабардино-Балкарии (впрочем, как и в других республиках Северного Кавказа), обретя сателлитные формы, являлось не более чем иллюзией. Традиционные механизмы гендерного взаимодействия продолжали влиять на сам характер женского участия в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии. И в этом плане симбиоз чисто кавказского маскулинного подхода переплетался с советской идеологической моделью, что замедляло развитие женского движения в республике.

Социальные трансформации конца XX в., принявшие в России крайне негативные формы, не могли не повлиять на важнейший сегмент гендерных отношений, где отчетливо проявились серьезные гендерные диспропорции.

В деле реализации гендерной политики на Северном Кавказе Советской властью в 20–30 гг. XX в. были предприняты конкретные шаги, направленные на изменение традиционного образа жизни женщин, а именно организация клубов горянок, женотделов, женсоветов, различных комиссий по делам женщин. Дальнейшим шагом партийных структур в условиях экстенсивного экономического роста было формирование женских кадров в различных отраслях народного хозяйства для развития кооперативного и промышленного движения, а также привлечение женщин на работу в различного уровня государственные структуры и органы местного самоуправления.

В этой связи особую актуальность приобрела презентативность женского участия в партийной и общественной работе, что непосредственно сказалось на «распределении» женских мест по уровню представительства. Так, начиная с 1919 г. и по 1980-е гг. распространялся квотируемый признак женского политического участия. Речь шла о том, что чем выше был уровень государственной структуры, тем жестче выдерживался лимит женского представительства. Например, от общего числа членов Верховного Совета СССР женщины должны были составлять 33 %, в Союзных Верховных Советах их число должно было быть не менее 36 %, 40 % – в автономных республиках и 50 % – в региональных (краевых, областных, окружных) и местных (районных, городских, поселковых и сельских) Советах [1]. Причем минимальный порог женского участия не должен был быть ниже 20–25 %. На региональном и местном уровнях он был строго обязателен.

Однако говорить о конструктивном привлечении женщин в политику не приходится, поскольку как мужчины, так и женщины назначались вышестоящими партийными органами, и существовала, соответственно, фиктивная, бюрократическая процедура избрания, не носившая состязательного характера.

Из представленных данных видно, что женская социально-политическая активность в Кабардино-Балкарии советского периода носила достаточно стабильный характер в силу целенаправленного формирования женского сектора в государственных и местных структурах. Однако советская политика продвижения женщин в органы региональной власти в большей степени носила декларативный, символический характер и не являлась результатом реального продвижения женщин в политике.

Данные *таблицы 2* демонстрируют нам приближенный квотированный признак не ниже 25 % женского представительства и в органах местной власти.

Представленные количественные данные могут сформировать мнение о том, что механизм квотирования предоставлял советским женщинам гарантированное участие в управлении государством. Но, на наш взгляд, это было не совсем так. Во-первых, советская система работала по принципу выдвижения на руководящие должности преимущественно мужчин (в среднем 65 %), а значит, квотируемый принцип работал исключительно в отношении мужчин. Во-вторых, партия пыталась обеспечить гендерную презентативность рабочих и колхозников во власти, о чем свидетельствуют стенографические отчеты заседаний Верховного Совета КБАССР, органов местного самоуправления. Представительницы же данных социальных страт в силу низкого уровня образования являлись менее активными и влиятельными, в основном они были беспартийными и практически никогда не избирались дважды, хотя было несколько фамилий, фигурирующих в списках депутатов разных лет.

Квотирование женщин в органах государственной власти и местного самоуправления просуществовало до 1992 г., тем не менее у нас есть все основания утверждать, что советское женское представительство во властных структурах являлось чисто декларативным механизмом. Так, выступления женщин на заседаниях не превышали 5 %, а их доклады касались в основном общих вопросов семьи, материнства и детства. Те же, кто пытался затрагивать важнейшие вопросы жизни и быта, как правило, не были услышаны. Так, на очередном заседании Верховного Совета депутат М.Ц. Хажметова доложила о том, что в Терском районе, в с. Арик отсутствует электричество, являющееся важнейшим звеном в культурно-просветительской жизни села. Указывалось на отсутствие воды. Однако ее неоднократные обращения в Совет Министров и другие инстанции не дали результата, «дело не сдвинулось с места» [4, л. 67]. Иными словами, женщин символически продвигали во власть, и это не было «результатом их политического участия и влияния» [1].

Чтобы оценить степень реального участия женщин в органах власти, приведем количественные данные по женскому представительству в рядах КПСС и Со-

Таблица 1

Численность женщин-депутатов 1950–1980 гг. [2]

Орган власти	Год выборов	Всего депутатов	Женщины-депутаты	
			число	процент
Верховный Совет КБАССР	1946	49	14	16
	1953	97	31	31,9
	1959	119	40	33,6
	1963	138	54	39,1
	1967	136	56	41
	1970	142	62	43,6
	1984	144	64	44,4
	1990	145	69	47,5
	1948 (без учета балкарского населения)	231	32	13,8
Районные Советы	1950	382	115	30
	1954	383	126	32,8
	1958	206	70	33,9
	1962	425	156	36,7
	1967	452	200	44,2
	1969	496	226	45,5
	1970	514	232	45
	1973	531	251	47,2
	1974	531	255	48
	1982	670	328	49
	1990	538	108	20

Продолжение таблицы 1

Орган власти	Год выборов	Всего депутатов	Женщины-депутаты	
			число	процент
Городские Советы республиканского подчинения	1948	15	3	30
	1950	15	4	26,6
	1967	440	194	44
	1969	449	205	43,7
	1970	476	235	49,3
	1975	476	233	49,3
	1982	500	247	49,4
	1990	400	83	20,75
Городские Советы районного подчинения	1948	231	32	32
	1950	6	2	33,3
	1957	31	6	19,3
	1961	216	80	37
	1967	104	46	44,2
	1970	239	111	46,4
	1974	247	123	49,7
	1982	275	141	51,2
	1990	175	44	25

Продолжение таблицы 1

Орган власти	Год выборов	Всего депутатов	Женщины-депутаты	
			число	процент
Поселковые Советы[1]	1948	489	69	14
	1950	239	31	12,9
	1957 (данные по 4 Советам)	36	12	33,3
	1961	174	72	41,3
	1969	118	57	48,3
	1971	250	124	49,6
	1975	443	173	39
	1982	400	204	51
	1990	253	71	28
Сельские и станичные Советы	1948			
	1950	494	83	16,8
	1957	574	134	23,3
	1961	2939	1026	34,8
	1967	3259	1392	42,7
	1969	3414	1507	44
	1971	250	124	49,6
	1975	3277	1630	49,7
	1982	3264	1648	50,4
	1990	2113	523	24,7

[1] *Здесь данные представлены по поселковым, сельским и станичным Советам*

Таблица 2

Численность председателей исполкомов районного, поселкового и сельского Советов депутатов трудящихся КБАССР [3]

Год выборов	Всего	женщины	процент
1948	92	4	4,5
1950	94	4	4,2
1961	92	28	30,4
1966	128	30	23,4
1975	77	23	29,8
1980	101	35	34,6
1994	103	36	35

вете Министров КБАССР. Изучение членства женщин республики в рядах КПСС требует отдельного всестороннего анализа, но, ограничиваясь рамками статьи, следует сказать о том, что численность женщин в рядах КПСС в Кабардино-Балкарии до 50-х гг. XX в. была минимальной – около 10–12 %, а то и ниже [5, л. 28]. С 1960-х гг. КПСС стала жестко квотировать представительство женщин в своих рядах. К 1960 г., например, из 97 членов Кабардино-Балкарского обкома 22 (22 %) были женщины [6, лл. 19, 20, 21]. К 1970 г. благодаря работе женотделов и первичных парторганизаций их численность оставалась в пределах от 22 до 25 % [7]. От общего числа коммунистов женщины в республиканской парторганизации на период 1980–1990 гг. составляли уже около 30 %. Но с 1991 г. партийных лидеров стало беспокоить то, что слабое участие женщин в политической жизни республики было неадекватно их политическому потенциалу. По мнению партийных лидеров, «наблюдалось низкое представительство женщин в выборных органах партии, что не соответствовало их удельному весу в составе КПСС, уровню образования, что не обеспечивает активного их включения в процессы обновления партии и страны» [8, л. 30]. Представительство женщин среди членов рескома КП РСФСР составляло всего 15,4 %; среди освобожденных секретарей парторганизаций – 5,5 %. Не было женщин среди первичных секретарей горкомов и райкомов партии [9, с. 141].

Перейдем к анализу представительства женщин в Совете Министров КБР. В органах исполнительной власти республики присутствие женщин было ничтожно мало. К сожалению, мы располагаем фрагментарными данными о численности женщин в Совете Министров Кабардино-Балкарии, но те цифры, которые имеются в нашем распоряжении, дают ясную картину положения дел. Так, в 1946 г. из 22 наркомов Совета народных комиссаров КАССР была всего одна женщина (4,5 %), из 47 сотрудников (включая секретарей) – 16 женщин (34 %). К 1948 г. в списке руководящих работников Совета Министров КАССР, включая заместителей, управляющих делами, председателей исполкомов, горисполкомов по районам, министров, начальников управления и председателей комитетов, не было ни одной женщины [10, л. 74–74об]. Только к концу 1948 г. в состав Совета министров была введена одна женщина (из 41 министра). Среди 18 заместителей не было ни одной женщины [20, лл. 2–8]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 1950 г. Из 23 министров не было также ни одной женщины [11, л. 50]. Но «благополучную» отчетность необходимо было обеспечить, поэтому было увеличено число женщин в аппарате Совета Министров КБАССР. Так, отчет за 1951 г. выглядел следующим образом: мужчин – 24 (60 %), а женщин – 16 (40 %) [12, л. 29]. Проясним ситуацию – женщины занимали, как правило, должности специалистов отделов и секретарей. По данным за период 1960–70-х гг. все 5 членов Бюро Совета Министров КБАССР были мужчинами. Среди министров и начальников управлений из 19 – 2 женщины (10 %) (министры здравоохранения и культуры) [13, л. 127]. Из 184 работников райисполкомов было 7 женщин (3,8 %), из 139 человек в горисполкомах – 28 женщин (20 %) [14, лл. 200–211об.]. В начале 80-х гг., не считая тех женщин, которые занимали высшие посты в Совете Министров КБАССР в предыдущие десятилетия, видимых примеров продвижения женщин на руководящие должности не было.

Элементарные расчеты позволяют нам сделать вывод о том, что общее количество женщин, занимающих посты советских министров с 60-х по 80-е гг. XX в. не превышало 3 %. Безусловно, 70–80-е гг. XX в. в Кабардино-Балкарии демонстрировали наибольшее женское представительство в органах государственной и местной власти: «…под чутким руководством …первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т.К. Мальбахова… начинается восхождение женщин во власть, не только в представительные, но и исполнительные органы власти» [15, л. 114]. Данное утверждение соответствует действительности, но лишь отчасти. Как правило, это были должности среднего или низшего звена.

Несмотря на то, что Конституция РФ 1993 г. предполагает равные возможности реализации политических прав, как мужчин, так и женщин, все же она носит чисто декларативный характер, поскольку вся система власти в Кабардино-Балкарии на современном этапе выстроена на доминировании мужчин на руководящих должностях различного уровня государственной службы. Приведем некоторые статистические данные. Так, назначение женщин на высшие должности исполнительной власти в республике характеризуется незначительным повышением.

Не изменились данные и в 2000-х гг.

Таблица 3

Численность женщин в исполнительных органах власти с 1990 по 2000 г. [16]

Органы власти	Численный состав	Представительство женщин	
		количество	процент
Кабинет Министров	16–28	1–2	от 0 до 7
Заместители министров	22–54	1–12 (2000 г.)	4,5 до 22
Государственные служащие в республиканских органах власти	2616	950	57
Муниципальные должности и должности муниципальной службы	2853	1043	57,6

Таблица 4

Численность женщин в исполнительных органах власти с 2000 по 2023 г. [17]

Органы власти	Численный состав	Представительство женщин	
		количество	процент
Кабинет Министров	17–29	1-2	от 5,8 до 6,8
Заместители министров	23–44	до 11 (2006 г.)	от 8,6 до 25
Государственные служащие в республиканских органах власти	2709	980	54
Муниципальные должности и должности муниципальной службы	2925	1050	56

Эти цифры свидетельствуют о конкретном гендерном дисбалансе. Но здесь очевидна связь институциональных трансформаций в структурах исполнительной власти. Например, должности министров здравоохранения и социальной защиты в республике одно время занимались женщинами. Но, на наш взгляд, по мере изменения статуса этих министерств и расширения системы советников и помощников Главы республики, на которых также возложены функции реализации и контроля социальных вопросов, статус этих министерств повысился, и должности министров вновь стали занимать мужчины.

Иными словами, в исполнительных органах власти, куда перемещается центр тяжести управленческих функции, уровень представительства женщин оказывается на очень низком уровне. Даже если женщин и назначали на должности министров, то это говорило только об одном – этим структурам не придавалось большого значения в сфере социальной политики. (Исключение сегодня составляет Министерство финансов КБР, которое возглавляет Е.А. Лисун).

Среди 5 помощников и советников Главы Республики работает одна (20 %) женщина. В Администрации Главы Кабардино-Балкарии из 29 штатных сотрудников 11 женщин (37,9 %) (данные за 2021 г.) [18].

Количественное гендерное распределение демонстрирует нам, что на наиболее высоких должностях мужчин в разы больше. Исключением явились данные за 2000 и 2006 гг., когда процент женского представительства в структурах исполнительной власти на уровне только заместителей министров единожды достиг порога в 25 %. Иная тенденция по количественному составу на средних и младших должностях. И здесь женщин в два раза больше [18].

На наш взгляд, такую ситуацию можно объяснить, во-первых, кадровой политикой, формирующей общую тенденцию гендерного неравенства, которая сформировалась в советское время и не меняется до сих пор. В сфере принятия решений доминирующим фактором продолжает оставаться преимущество мужчин. При таком положении дел выявить женщин соответствующей квалификации крайне сложно, а ведь на руководящую должность вполне можно было подобрать квалифицированного специалиста-женщину. Заинтересовать уровнем заработной платы, которая, в зависимости от должности, выше или ниже. К тому же доступ к власти является важнейшим механизмом в построении карьеры.

Представительство женщин в Парламенте Кабардино-Балкарии также на низком уровне. Ярким доказательством этого является то, что доля женщин в Совете Республики Парламента Кабардино-Балкарии первого созыва составляла около 15 % (5 из 36), в той же палате Парламента Кабардино-Балкарской Республики второго созыва эта доля стала несколько выше – чуть более 18 % (6 из 36), а в третьем созыве насчитывалось 14 % (11 из 110). В составе депутатского корпуса Парламента КБР четвертого созыва представлено было всего 9 женщин, что составляло около 14 % от общего числа депутатов, пятого созыва – 11 женщин из 70 (11 %), шестого созыва – 14 из 70 (20 %) [19]. Гендерное представительство парламентских комитетов выглядит следующим образом: 10 мужчин и 2 женщины. В Совете Федерации женщин нет, а в Государственной Думе восьмого созыва – одна.

В имеющихся в нашем распоряжении данных по выборам в органы местного самоуправления численность мужчин-депутатов также имеет явное превос-

ходство. Так, например, в период с 1999 по 2010 гг. из общего числа депутатов местного самоуправления (382+–) было всего около 20 % (77) женщин [20, л. 1–23]. В 2000 г. из 108 глав местных администраций поселков, сел, станиц КБР – 8 женщин (7 %). 8 женщин являлись заместителями глав администраций городов и районов КБР. В числе глав администраций городов и районов женщин не было [21, л. 87].

С 1999 г. по 2021 г. в среднем из 1 550 депутатов местного самоуправления по районам республики женщин насчитывалось не более 25 % [21].

На 2023 г. из 12 глав муниципальных районов нет ни одной женщины, среди глав местных администраций из 144 человек 14 женщин (9,7 %) (большинство женщин – главы местных администраций Майского района). В администрациях городов республики женщины-главы нет ни одной [18].

Приведенные в статье количественные данные не позволяют нам говорить о гендерном паритете в органах государственной власти и местного самоуправления Кабардино-Балкарии, поскольку ключевые места в них представлены только мужчинами. Видимые гендерные диспропорции сформировали типичную гендерную иерархическую модель, «характеризующуюся, прежде всего, отсутствием женщин как коллективного актора, привносящего в политику свою субъектность и защищающего свои интересы» [22].

Выделим основные причины гендерного неравенства в органах власти и управления различного уровня. Во-первых, слабое развитие гражданского общества. Национальный механизм гендерного равенства, в целом внедрение гендерного подхода в политике требует более пристального внимания со стороны управленческих структур и государства. Во-вторых, недостаточно развитая нормативно-правовая база, хотя определенные шаги в данном направлении в России были сделаны в 2003 г., когда Госдума приняла закон «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в РФ», и в 2005 г., когда была создана Межведомственная комиссия по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин в РФ. Ее деятельность не привела к конкретным изменениям в сфере политического гендерного равенства. В-третьих, наличие институциональных механизмов политической рекрутации. В-четвертых, невысокая политическая активность самих женщин, связанная с сохранением традиций, обычаев, моральных, религиозных правил. Женщина-лидер воспринимается в качестве угрозы и вызова общественному мнению.

Таким образом, в условиях современного российского (северокавказского) общества гендерное политическое равенство является ни чем иным, как манифестацией гендерного паритета, ничего не имеющего общего с реальностью, поскольку политические назначения производятся и производились на основании институциональных предпочтений, а не на личностном уровне.

И сегодня, чтобы ликвидировать дискриминацию в отношении представительства женщин во властных структурах различного уровня, помимо разработки более совершенных избирательных технологий с позиции гендерного подхода, было бы оправданным адекватное введение квот для женщин, причем учитываться должны уровень профессиональной компетентности, образования, умение самостоятельно принимать конструктивные решения, налаживать контакты между избирателями и властными структурами. Кроме того, те женщины, которые готовы повышать свой образовательный и профессиональный уровень, желающие строить карьеру, сами должны проявлять инициативу, создавая общественно-политические организации и движения, которые сформировали бы эффективные механизмы пересмотра «политического договора» в сфере гендерного представительства и выработали бы «работающие» формы его реализации. И если положение с политической активностью женщин в республике не изменится, то общество, которое строится сегодня в рамках демократической России, будет «демократией без женщин и не для женщин, в определенном смысле демократией с патриархальным уклоном» [23, с. 143].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем. – СПб.: ИСПГ-Алетея, 2003. С. 991. http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina2.htm)

2. Статистические отчеты о составе депутатов Верховного совета КБАССР. Сводные отчеты о составе депутатов местных Советов депутатов трудящихся. Сведения об итогах выборов в районные советы депутатов трудящихся. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1025. Оп. 5. Д. 103. Лл. 64–65. Д. 188.Лл. 62–64. Д. 110. Лл. 2–12. Д. Оп. 13. Д. 78. Лл. 8–18. Ф. Р-717. Оп. 2. Д. 198. Лл. 40–58. Д. 178. Лл. 1–3, 30–37, 41, 52, 57. Д. 205. Лл. 13, 75–78, 80–87, 92. Д. 306. Лл. 7, 9, 11, 13, 15, 24, 34, 37, 43, 47, 49, 51, 53, 57–69, 73–83. Оп. 4. Д. 502. Лл. 1–11. Д. 590. Лл. 8–18. Р – 249. Оп. 2. Д. 87. Лл. 30–36.

3. Списки председателей исполкомов районного, поселкового и сельского Советов депутатов трудящихся КБАССР. УЦГА АС КБР. Ф Р-1025. Оп. 5. Д. 115. Лл. 50, 52–56, 61, 65, 66. Д. 110. Л. 12.; Д. 127. Лл. 222–245об. Оп. 13. Д. 59. Лл. 1–54. Д. 132. Лл.1–14. Ф. Р-1025.Оп. 4. Д. 484. Лл. 8–18.

4. Стенографический отчет заседания Верховного Совета КБАССР от 16 апреля 1956 г. УЦГА АС КБР. Ф-717. Оп. 2. Д. 179.

5. Протоколы X Урванской партконференции от 18 ноября 1950 г. УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 140.

6. Протоколы XXIX партконференции от 11 февраля 1966 г. УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 1940.

7. Жирнов Е. Допускается неоправданная их сменяемость // Коммерсантъ. 08.03.2019 https://www.kommersant.ru/doc/3906829 (дата обращения 27.05.2023).

8. Статистический отчет Кабардино-Балкарского обкома КПСС. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 29. Д. 87.

9. Шаожева Н.А. Динамика численности, состава и структуры Кабардино-Балкарской организации КПСС как отражение кризисных процессов в обществе в 1985–1991 гг.// Гуманитарные и юридические науки. 2019. № 4. С. 136–145.

10. Список руководящих работников КАССР в Совете Министров за 1948 г. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1025. Оп. 5.Д. 103.

11. Список руководящих советов работников КАССР, персонально учитываемых Совмином РСФСР. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1025. Оп. 5.Д. 110.

12. Список руководящих работников КАССР в Совете Министров за 1951 г. УЦГА АС КБР. Ф Р-1025. Оп. 5. Д. 115.

13. Справка о составе работников аппарата Совета Министров КАССР. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1025. Оп. 5. Д. 118.
14. Справка о составе членов Правительства КБАССР. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1025. Оп. 5. Д. 127.
15. Список руководящих советских работников райгорисполкомов. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1025. Оп. 5. Д. 127.
16. Состав Совета министров КБР. УЦГА АС КБР. Ф Р-717. Оп. 5.Д. 2. Лл. 51–53. Справка о количественном составе Правительства КБР по состоянию на 30 апреля 1992 г. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1196. Оп. 2. Д. 10. Л. 5а. Справка о количественном составе Правительства КБР по состоянию на 30 апреля 1996 г. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1196. Оп. 2. Д. 259. Л. 106–108, 122. Список руководителей исполнительных органов государственной власти КБР. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1196. Оп. 5. Д. 101. Лл. 1–3.
17. Сайт Правительства КБР. URL:https://pravitelstvo.kbr.ru/ (Дата обращения 30. 04 2023). Справка, предоставленная Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по КБР.
18. Телефонный справочник Управления делами Главы и Правительства КБР за 2023 г.
19. Списки депутатов Парламента КБР первого – шестого созывов. Республиканское информационное агентство. Кабардино-Балкария. URL: https://kbrria.ru/politika/spisok-deputatov-novogo-parlamenta-kbr-4525 (Дата обращения: 19.08.2022).
20. Сведения о составе депутатов местного самоуправления. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1232.Оп. 2. Д. 168.
21. Сведения о местных избирательных кампаниях //Сайт Избирательной комиссии КБР http://www.kabardin-balkar.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/ (дата обращения 02.05.2023)
22. Градскова Ю. Женщина и политическая система советского общества. httm://www.owl.ru/win/ research/gradskova/htm (дата обращения 27.05.2023).
23. Беляева Г.Ф. Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 143–164.

REFERENCES

1. Kochkina E.V. Representation of women in the power structures of Russia 1917 – 2002. // Gender reconstruction of political systems. St. Petersburg: ISPG-Alethea. 2003. P. 991.http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina2.htm) (in Rassian)
2. Statistical reports on the composition of the deputies of the Supreme Council of the KBASSR. Summary reports on the composition of deputies of local Councils of Workers' Deputies. Information about the results of the elections to the district councils of workers' deputies. The Department of the Central State Archive of the KBR Archival Service (UTSGA AS KBR). F R - 1025. Op. 5. D. 103. Pp. 64-65. D. 188. Pp. 62 – 64. D. 110. Pp. 2-12. D. In. 13. D. 78. Pp. 8-18. F R-717. Op. 2. D. 198. Pp. 40-58. D. 178. Pp. 1-3, 30-37, 41, 52, 57. D. 205. Pp. 13, 75-78, 80-87, 92. D. 306. Pp. 7, 9, 11, 13, 15, 24, 34, 37, 43, 47, 49, 51, 53, 57-69, 73-83. Op. 4. D. 502. Pp. 1-11. D. 590. Pp. 8-18. R– 249. Op. 2. D. 87. Pp. 30-36.(in Rassian)
3. Lists of chairmen of the executive committees of the district, village and rural Councils of Workers' Deputies of the KBASSR. UTSGA AS KBR. F R – 1025. Op. 5. D. 115. Pp. 50, 52-56, 61, 65, 66. D. 110. P. 12.; D. 127. Pp. 222-245ob. In. 13. D. 59. Pp. 1-54. D. 132. Pp.1-14. F R-1025. In. 4. D. 484. Pp. 8-18.(in Rassian)
4. Verbatim report of the meeting of the Supreme Council of the KBASSR dated April 16, 1956UTSGA AS KBR. F R-717. Op. 2. D. 179. P. 67.(in Rassian)
5. Protocols of the X Urvan Party Conference of November 18, 1950. UTSGA AS KBR. F R - 34. Op. 1. D. 140.(in Rassian)
6. Minutes of the XXIX Party Conference of February 11, 1966. UTSGA AS KBR. F R - 1. Op. 2. D. 1940.(in Rassian)
7. Zhirnov E. Their unjustified changeability is allowed/ Kommersant. 08.03.2019 https://www.kommersant.ru/doc/3906829 (Date accessed: 27/05/2023). (in Rassian)
8. Statistical report of the Kabardino-Balkarian Regional Committee of the CPSU. UCDNI AS KBR. F. 1. Op. 29. D. 87. (in Rassian)
9. Shaozheva N.A. Dynamics of the number, composition and structure of the Kabardino-Balkarian organization of the CPSU as a reflection of crisis processes in society in 1985-19991. //Humanities and Legal sciences. 2019. No. 4. Pp. 136-145. (in Rassian)
10. List of senior KASSR employees in the Council of Ministers for 1948. UTSGA AS KBR. F R - 1025. Op. 5.D. 103.(in Rassian)
11. List of the governing councils of employees of the CASSR, personally accounted by the Council of Ministers of the RSFSR. UTSGA AS KBR. F R - 1025. Op. 5.D. 110. (in Rassian)
12. List of senior KASSR employees in the Council of Ministers for 1951. UTSGA AS KBR. F R - 1025. Op. 5. D. 115.(in Rassian)
13. Information about the staff of the staff of the Council of Ministers of the KASSR. UTSGA AS KBR. F R - 1025. Op. 5. D. 118.(in Rassian)
14. Information on the composition of the members of the Government of the KBASSR. UTSGA AS KBR. F R - 1025. Op. 5.D. 127.(in Rassian)
15. List of leading Soviet employees of district executive committees. UTSGA AS KBR. F R - 1025. Op. 5. D. 127.(in Rassian)
16. Composition of the Council of Ministers of the CBD. UTSGA AS KBR . F R - 717. Op. 5.D. 2. Ll. 51-53. Certificate on the quantitative composition of the Government of the CBD as of April 30, 1992. UTSGA AS KBR. F R - 1196. Op. 2. D. 10. L. 5a. Certificate on the quantitative composition of the Government of the CBD as of April 30, 1996. UTSGA AS KBR. F R - 1196. Op. 2. D. 259. L. 106-108, 122. List of heads of executive bodies of state power of the CBD. UTSGA AS KBR. F R - 1196. Op. 5. D. 101. L. 1-3.(in Rassian)
17. KBR Government Websitehttps://pravitelstvo.kbr.ru/ (Date accessed 30/04/2023). A certificate submitted by the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the CBD. (in Rassian)
18. Telephone directory of the Office of the Head and Government of the CBD for 2023 (in Rassian)
19. Lists of deputies of the Parliament of the KBR of the first – sixth convocations. Republican News Agency. Kabardino-Balkaria.Списки депутатов. https://kbrria.ru/politika/spisok-deputatov-novogo-parlamenta-kbr-4525 (Date accessed 19/08/2022). (in Rassian)
20. Information on the composition of deputies of local self-government. UTSGA AS KBR. F R - 1232. Op. 2. D. 168.(in Rassian)
21. Information about local election campaigns //Website of the Election Commission of the CBD. http://www.kabardin-balkar.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/ (Date accessed 02/05/2022). (in Rassian)
22. Gradskova Yu. A woman and the political system of Soviet society. httm://www.owl.ru/win/ research/gradskova/htm (Date accessed: 27/05/2023). (in Rassian)
23. Belyaeva G.F. Political activity of women in Russia // Issues of state and municipal administration. 2008. No. 1. Pp. 143-164. (in Rassian)